Пилюгина С. В.

РОМАНТИЗМ: ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/80.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 191-194. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Nach zwei Stunden Fahrzeit parkten wir vor dem hohen Tor des Gutshofes (Haslinger, 82).

Bleiben и *warten, erwarten* означают пролонгацию действия и соответственно устанавливают отношение ко времени данного состояния:

Konrad blieb mitten im Zimmer (Frauen Lesebuch, 237);

Wenn Irene an Konrads Stammtisch wartete, überlegte sich Wanda, müsste sie ihn schon öfter dort getroffen haben (Peters, 238);

Der Senator erwartete Tadeo Cespedes an der Spitze eines Dutzends treuer Diener, nachdem er seine Tochter im letztem Zimmer des hintersten Patios eingeschlossen und die Hunde losgemacht hatte (Frauen Lesebuch, 18).

Глагол *hocken* обозначает позицию, при котором тело занимает минимальное пространство и характеризуется достаточно длительной временной продолжительностью:

Am Tresen Barhocker, auf denen die Männer seitlich in Abfangstellung hockten, den Blick auf die Eingangstür gerichtet (Frauen Lesebuch, 238);

Wenn es draußen kühl wurde, hockten sie im großen Raum auf dem Boden und sangen zusammen (Frauen Lesebuch, 319).

Liegen константирует пространственную позицию (либо географического, либо абстрактного вида), подразумевающую продолжительный темпоральный компонент: *Er liegt nicht auf der Couch, sondern sitzt, wie ich, das macht ihn mir sofort sympathisch, graue Haare fallen ihm fast bis auf die Schultern (Böll, 181); Als sie zurückkam, lag Margarete auf dem Bauch (Schütz, 122); Hanno Hackmanns Büro lag im vierten Stock (Schwanitz, 54).*

Общая черта всех выше рассмотренных глаголов состояния – идея того, что субъект находится в некоторой точке пространства, которая соответствует некоторому моменту времени на общей оси синхронного времени, но одновременно все они употребляться в актуально-длительном значении. Этому легко найти семантическое объяснение. Все лексемы данных глаголов описывают действия, продолжающиеся определенный отрезок времени.

Следовательно, правомерно полагать, что лексико-семантическая парадигма глаголов состояния содержит в себе понятийный компонент времени, являющийся общим имплицитным признаком, соотносимым не с моментом времени (отдельной точкой на временной оси) как таковым, а с временным интервалом.

Список использованной литературы

1. **Даньшина В.В., Потапова Т.В.** Систематизация глаголов «не движения» в глагольном семантическом поле субъективно-ориентированного перемещения (на материале английского и немецкого языков) // Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. – 140 с.
2. **Янко, Т.Е.** Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть* // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. науч. ст. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 198-211.
3. **Gerling M., Orthen N.** Deutsche Zustands- und Bewegungsverben. Eine Untersuchung zu ihrer semantischen Struktur und Valenz. – Tübingen: Narr, 1979 (=Studien zur deutschen Grammatik 11). – 309 S.
4. **Grammatik der deutschen Sprache**. – Band 3. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997. – 2569 S.
5. **Hentschel E., Weydt H.** Handbuch der deutschen Grammatik. – Berlin: New York: de Gruyter, 1994. – 452 S.
6. **Vater H.** Einführung in die Raum-Linguistik. – Hürt: Gabel, 1996. – 105 S.
7. **Wahrig G.** Deutsches Wörterbuch. 6., neu bearb. Auf. – Güterslon: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBN, 1997. – 1420 S.

Источники фактического материала

1. **Böll H.** Mein trauriges Gesicht. Бёль Г. Мое печальное лицо. Рассказы: сборник. – На нем. яз. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2001. – 288 с.
2. **Frauen Lesebuch.** Herausg. von J. Ressel. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1994. – 362 S.
3. **Haslinger J.** Opernball. – Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997. 471 S.
4. **Peters E.** Klassentreffen. – Frankfurt/M, Berlin: Ullstein, 1989. – 219 S.
5. **Schütz H.** In Annas Namen. – Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1986. – 307 S.
6. **Süskind P.** Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verlag, 1985. – 319 S.
7. **Schwanitz D.** Der Campus. – Frankfurt/Main, Berlin, Weimar: Der Goldmann Verlag, 1995. – 382 S.

РОМАНТИЗМ: ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Пилюгина С. В.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Теоретическое осмысление романтизма началось одновременно с его возникновением, в конце XVIII века, и продолжается до настоящего времени. В литературоведении и искусствознании существует множество концепций, определяющих сущность романтизма, его основные признаки, бытует несколько значений этого термина, что объясняется необычайной сложностью и многоаспектностью явления.

Исследователь А.Н.Соколов в статье «К спорам о романтизме» дает обзор концепций романтизма, основанных на выделении определяющих признаков: «либерализм» (акад. А. Н. Веселовский), «идеализм, доведенный до высокого культа личности» (И. И. Замотин), «индивидуализм» и «субъективизм» (В. В. Сипов-

ский, П.С.Коган, Г. А. Гуковский), «отрешение от реальной действительности» (П. Н. Сакулин), «мечта» (Б.С.Мейлах), «утверждение идеала» (Н.К.Гей), «абсолютный характер идеалов при осознании невозможности их осуществления в данной действительности» (А.М.Гуревич) [Соколов 1967]. Можно продолжить этот ряд: «интуитивное познание» действительности (У.Р.Фохт), «фантазия» (Г. Геттнер), «самоценность человеческого характера» (И.Ф.Волков), «эмансипация принципа субъективности» (С.С.Аверинцев) и ряд других.

Представленные концепции не противоречат, но, наоборот, дополняют друг друга. Все исследователи обращают внимание на особый характер отношений личности и общества в теории романтизма, на особую роль в ней человеческого индивида как объекта и субъекта творчества. Поэтому для полного представления о романтизме необходимо учитывать все его особенности, как общие, характерные для этого искусства в целом, так и частные, характерные для творчества конкретного романтика.

Черты романтического искусства мы можем наблюдать задолго до возникновения романтизма как литературного направления. Ф.Шлегель писал: «Я нахожу романтическое у старших современников, у Шекспира, Сервантеса, в итальянской поэзии, в тех веках рыцарей, любви и сказок, откуда произошли сами слово и дело» [Шлегель 1980: 64]. Э. Т. А. Гофман считал истинно романтическим поэтом «очаровательного Гоцци», выделив его пьесу-сказку «Ворон». В.Г.Белинский находил романтические черты в «Илиаде» Гомера, в трагедиях Еврипида, в элегиях Тибулла. Величайшим романтиком не только Древней Греции, но и всего мира был для него Платон, предвосхитивший своим учением развитие эстетической мысли в средние века и в более позднее время.

Романтизм утвердился в жизни под воздействием определенных социально-исторических обстоятельств (промышленный переворот в Англии, Французская революция 1789 года) и глубоко проник в сознание людей того времени, захватив различные сферы умственной деятельности (литературу, живопись, музыку, историю, эстетику и т.д.). Исторические условия, разрушая старые, некогда казавшиеся вечными связи человека с обществом, не могли дать человеческой личности иных, прочных, надежных связей, как бы предоставляя ее самой себе.

Принципы художественного познания и отражения действительности романтиками невозможно осмыслить вне их философского содержания. Духовной и территориальной резиденцией романтизма считается Германия, первыми его теоретиками были иенские романтики (Новалис, Ф. и А. Шлегели), а наиболее полным выражением романтического типа сознания явилась немецкая философия И.Канта и И.Г.Фихте.

Мысль философа Канта о том, что человек выступает как величественный творец собственного мира, стала для романтиков установкой и определила все их мировоззрение. В романтическом самосознании центральным является стремление к неограниченной личной свободе.

Пытаясь решить проблему свободы, романтики последовательно «отрабатывали» ее на различном материале: историческом, социально-культурном, художественном. Они хотели найти историческую реальность, социальное тело, которое вмещало бы красоту бесконечной жизни, индивидуальной свободы. Такой исторической реальностью стало для них средневековье, когда человек был максимально свободен в своей жизни и деятельности.

В художественном отношении наиболее приспособленными для выражения свободного духа гения романтики считали поэзию и музыку. Если же брать романтическую прозу, то наиболее свободным воспринимался жанр романа. «Роман - это есть история в свободной форме, как бы мифология истории», - пишет Новалис [Новалис 1990: 64].

Романтики страстно защищали творческую свободу художника, его фантазии и отвергали всякую нормативность в эстетике. «Нет сомнения, что так называемый романтизм…дает более свободы дарованию, - говорил П. А. Вяземский, - он покоряется одним законам природы и изящности, отвергая насильство постановлений условных» [Вяземский 1984 Т. 1: 226]. Гений не подчиняется правилам, но творит их - эта мысль И.Канта была твердо усвоена теоретиками романтизма.

Основой художественно-эстетического понимания субъекта стала для романтиков философия И.Г.Фихте. Объектом рассмотрения и анализа в романтическом произведении становится внутренний мир самого художника, его личностное Я. Субъект-объектные отношения сливаются воедино в образе романтического поэта. Согласно Фихте, в личностном Я «субъективное и объективное слиты воедино», потому что в своем созерцании Я полагает необходимость самого себя. Как писал Новалис: «Поэт представляет собою в самом действительном смысле тождество субъекта и объекта, души и внешнего мира» [Новалис 1990: 58].

Основные положения философии Фихте, в частности, мысли философа, о том, что Я с равной необходимостью противополагается некоторое не-Я, определили возникновение в художественной практике романтизма феномена двойничества, бытующего на уровне личности, сознание которой под давлением расколотого, двоящегося мира, также двоится, порождая тем самым появление своеобразных образов-двойников романтического героя. Категория двойничества является одной из стержневых в философии романтизма и находит свое воплощение в поэтике литературного произведения.

Проблема личностного Я становится для романтиков центральной, вокруг которой группируются все остальные аспекты их идейно-эстетических позиций. «Самым чудесным и вечным феноменом является наше собственное бытие. Величайшей тайной для человека является он сам» [Новалис 1990: 72]. «Только отдельный индивид, субъект имеет значение. Мир, противостоящий ему, объект, находится в его власти, является игрушкой в его руках» [Hettner 1850: 38].

В доромантический период характеры воспроизводились как изначально заданные в своей сущности кем-то или чем-то: мифологическими героями - в античности, Богом - в средневековье, законами разума - в классицизме, естественной природой человека - в просветительском искусстве. В крайностях концепции подражания человек оказывался не творцом, а лишь исполнителем высшей - природной или божественной - воли. В эпоху романтизма личность художественно эмансипируется, ее характер «освобождается от изначальной универсальной предопределенности», становится внутренне самоценным. Человеческая личность выступает центром всего, его «индивидуальная компетенция» [Аверинцев и др. 1994: 3-38] расширяется, он становится интерпретатором мирового порядка и своей собственной сущности.

Несоответствие между романтической концепцией личности и реальным положением человека в жизни было настолько очевидным, что его сознавали и сами романтики. Жизненная неукорененность «обуславливает духовную самодостаточность романтика, внутреннюю перспективу его индивидуального Я» [Иванюк 2004: 24]. Романтики осознают мир внутри себя, который существует параллельно с двумя другими мирами: современным материальным миром и вымышленной идеальной сущностью. «Мы мечтаем о путешествии во вселенную: но разве не заключена вселенная внутри нас? - пишет Новалис. - Мы не знаем глубин нашего духа. Именно туда ведет таинственный путь. В нас самих или негде заключается вечность с ее мирами, прошлое и будущее» [Новалис 1990: 71]. Литературовед И. В. Волков отмечает, что «романтизм характеризуется, строго говоря, не двоемирием, а троемирием, так как субъективный мир романтического героя является, в сущности, вполне самостоятельным, самоценным миром наряду с тем, от которого бежит романтический герой, и с тем, к которому он стремится» [Волков 1989: 54].

Внутренняя огромность личности романтического художника оборачивается «бесконечностью бессознательности» [Шеллинг 1980: 136] в искусстве. В поисках внутренней опоры романтик обращается к своему Я, и в этой ситуации творческий процесс может быть лишь хаотичным и импульсивным самовыражением. Художник вкладывает в свое творение не только то, что входило в его замысел, но и «некую бесконечность», не доступную ни для какого «конечного рассудка». «Поэт, - пишет Новалис, - воистину творит в беспамятстве… С каждой чертою свершения создание отделяется от мастера... Между ними мысленная пропасть, через которую может перенестись только воображение… Художник превратился в бессознательное орудие, в бессознательную принадлежность высшей силы. Художник принадлежит своему произведению, произведение же не принадлежит художнику» [Новалис 1990: 59].

Эта проблема выражения «бесконечного» содержания романтического Я в «конечной» форме разрешается в структурной перестройке художественного мышления, проявившейся в разрушении жанрово-композиционной системы, заложенной классицизмом.

Исследователь С. С. Аверинцев указывает на то, что, начиная с романтизма, литература как бы двигается в обратном направлении. Пройдя путь от Гомера до нормативной классицистической поэзии, в период романтизма она освобождается от этой нормативности и достигает гомеровской вольности и широты, но уже на другом, современном материале. Формирование романтического художественного сознания субъективно осознавалось как освобождение от разного рода правил и запретов, от диктата жанровых канонов. С одной стороны, романтики сознательно своей принципиальной неоформленностью художественного произведения спорят со строгой, несколько мертвой красотой классицистических творений. Но в большей мере, это было обусловлено их потребностью выразить внутреннюю огромность своего Я, которая не умещалась в имеющиеся художественные рамки. Очень выразителен в этом отношении призыв В.Гюго, вождя французских романтиков: «Ударим молотом по теориям, поэтикам и системам. Собьем старую штукатурку, скрывающую фасад искусства! Нет ни правил, ни образцов или вернее, нет иных правил, кроме общих законов природы, господствующих над всем искусством, и частных законов для каждого произведения, вытекающих из требований, присущих каждому сюжету» [Гюго 1980: 453].

Философско-эстетическое воззрения романтиков нашли воплощение в поэтики их художественных творений. Перемещение акцента на возможности внутренней интроспекции в художественном творчестве неизбежно привело к разрушению прежних устойчивых литературных форм. Романтический бунт коснулся всех основных категорий поэтики: рода, жанра, стиля, композиции.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Категории поэтики в смене литературных эпох [Текст] / С. С. Аверинцев и др. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. Статей. - М., 1994.

2. Волков И. Ф. Творческие методы и художественные системы [Текст].- М., 1989.

3. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений [Текст]. - СПб., 1984. - Т. 1.

4. Гюго В. Из предисловия к драме «Кромвель» [Текст] / В. Гюго // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / А.С.Дмитриев. - М., 1980.

5. Иванюк Б.П. Романтический персонализм, или типологическое содержание романтического сознания в понятиях «жизнелитературы» [Текст] / Б. П. Иванюк // Русская литература и философия: постижение человека. Материалы второй всероссийской научной конференции (Липецк. 6-8 октября 2003 г.) - Липецк, 2004.

6. Новалис Фрагменты [Текст] / Новалис// Зарубежная литература XIX века: Романтизм: Хрестоматия историко-литературных материалов: Учебное пособие / А.С.Дмитриев, Б.И.Колесников, Н.Н.Новикова. - М., 1990.

7. Соколов А.Н. К спорам о романтизме [Текст] / А. Н. Соколов // Проблемы романтизма. Вып. 1. - М., 1967.

8. Шеллинг Ф.В. Дедукция произведения искусства вообще (Что характерно для произведения искусства) [Текст] / Ф. В. Шеллинг // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / А.С.Дмитриев. - М., 1980.

9. Шлегель Ф. Разговор о поэзии (Письмо о романе) [Текст] / Ф. Шлегель // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / А.С.Дмитриев. - М., 1980.
10. Hettner H. Die romantische Schule in ihrem inneren Zusammenhänge mit Goethe und Schiller. - Brschw., 1850.

ДИСКУРСИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ СУЩНОСТЬ МЕНТАЛЬНОСТИ

Покровская Е. М.
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Рассматривая проблему взаимоотношений феноменов менталитета и языка, справедливо предположить, что менталитет, который, как известно, в значительной степени детерминируется социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности. По словам Э.Сепира «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на основе языковых норм данной группы… Мы видим, слышим и воспринимаем, так или иначе, те или иные явления, главным образом, благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Сепир 1993: 259].

Возможно вычленить различные уровни формирования ментальности как языковой картины мира отдельного индивида. Основную нагрузку, по мнению Д.Полежаева, несет на себе уровень семейного воспитания, на котором происходит переживание индивидом общих (национальных и социальных традиций), норм морали, правил, ориентиров и целей общения как личностно-значимых ценностей. Именно в ходе семейного воспитания формируется дуалистическое отношение, критерий «свое – чужое» в индивидуальном и коллективном сознании, находящий выражение в социальных оппозициях: «Мы» – «Они», «Я» – «Мы» и т.п. Как считает Л. Витгенштейн, ментальные картины (стереотипы), укорененные в нашем сознании, внушаемые самим языком, в стихии которого мы живем, очень прочны: принимая их за самоочевидные, как бы «срастаешься» с ними. Становится очень непросто отнестись к ним критично, отойти, дистанцироваться, усомниться в них. Еще труднее преодолеть эти картины, заменить их другими. Обычно в нелегком процессе высвобождения из плена данных картин участвует время, постепенно нарастающие суммарные перемены в схемах мышления, опыте осознания. Стереотипы однозначны и делят мир на две категории: «знакомое» и «незнакомое». «Знакомое» становится синонимом «хорошего», а «незнакомое» – синонимом «плохого» [Козлова 1990: 5].

Исходным пунктом осмысления проблемы взаимного воздействия друг на друга менталитета и языка, на наш взгляд, следует признать, что с помощью языка человек отражает окружающий мир. Причем «отражает» – означает не только «описывает» мир, поскольку, во-первых, передача информации и описание в целом – это лишь одна из форм отражения человеком окружающего мира, а во-вторых, существо человека раскрывается только в форме той или иной деятельности, в реализации собственных устойчивых ценностных структур. Иначе говоря, между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка. Именно человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка [Тер-Минасова 2000: 38]. Другими словами, между реальностью и языком стоит ментальная деятельность. Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно, так и индивидуально, то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к ментальному фону и от ментального фона к языку.

Обращаясь к вопросу о точности отражения языком мира, окружающего человека, являющегося информационно полным, можно предположить, что языковое представление чаще всего информационно неполно или неточно. Так, например, незнание того, что Земля вращается вокруг Солнца, приводило к утверждению ложных представлений, которые до настоящего времени имеют отражение во многих языках, в том числе и в русском: уверенно произнося, что «солнце взошло», мы понимаем, в действительности, ложность этого утверждения. Раскрывая достоверность в ее социокультурных , коммуникативных аспектах, Л. Витгенштейн указывает на то, что жизнедеятельность в целом невозможна без веры, доверия, принятия как достоверного (это и есть «форма жизни» и ее условия), а также на тесное переплетение феномена достоверности с другой «формой жизни» – «языковыми играми», которые предстают не в собственно лингвистическом смысле, но как культурно-исторические, социальные по своей природе [Микешина 1990: 59]. В языковых играх усваиваются сами значения слов, поскольку для Витгенштейна «…значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ есть то, что мы усваиваем, когда данное слово впервые входит в наш язык»